

ББК 63.3(2)46

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА И УПРАВЛЕНИЯ В КАЛМЫЦКИХ КОЧЕВЬЯХ ПОСЛЕ ОТКОЧЕВКИ В 1771 г. В ДЖУНГАРИЮ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

С.С. Белоусов

В статье анализируется политика российского руководства по отношению к калмыкам после откочевки в 1771 году большей их части в Джунгарию, рассматриваются мероприятия по преодолению политического кризиса, формирование новой системы управления калмыцким народом.

Ключевые слова: *калмыцкие улусы, управление, калмыцкая знать, политическое урегулирование, Астрахань.*

The politics of the Russian management (manual) in relation to the Kalmyks after migration in 1771 to Dzhungaria of their greater part is analyzed. The measures on overcoming political crisis, formation of a new control system of the Kalmyk people are considered.

Keywords: *Kalmyk ulusy, management, Kalmyk aristocracy, political settlement, Astrakhan.*

Уход калмыков в Джунгарию дезорганизовал политическую и экономическую жизнь в Астраханской губернии. Вынужденный прервать свою командировку в столицу и срочно возвратиться к месту службы астраханский губернатор Н.А. Бекетов застал здесь безрадостную картину запустения. Там, где ещё недавно кочевали калмыки, в беспорядке было разбросано имущество и бродил одичалый беспризорный скот, брошенный при поспешном бегстве. Среди этого хаоса иногда островками встречались небольшие разрозненные группы калмыков, многие из которых находились в бедственном положении. Осёдлое население, напуганное произошедшими событиями, отсиживалось в крепостях или в камышах.

В этих условиях для губернатора первоочередными задачами стало возвращение жизни края в спокойное русло и удержание оставшихся калмыков от побега вслед за наместником Убаши. «Теперь все мое попечение – заявлял он в письме к президенту Государственной коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину 17 февраля 1771 года, – оставшихся калмык привести в спокойные мысли» [1].

Сразу же после прибытия в г. Астрахань Бекетов предпринял шаги по налаживанию отношений с калмыцкой знатью и восстановлению управления в улусах. Для этого он пригласил к себе представителей высшей калмыцкой знати и от имени правительства поблагодарил их за верность престолу. Далее он объявил о смещении с поста состоящего при Калмыцких делах И.А. Кишенского и переходе управления калмыками непосредственно в его руки [2]. Одновременно была проведена реорганизация структуры, занимавшейся калмыцкими делами. Прежние Калмыцкие дела были упразднены, а вместо них создан новый, возглавляемый лично астраханским губернатором, орган – Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких

дел. В те улусы, где поведение калмыцкой знати вызывало подозрение, Бекетов назначил своих доверенных лиц, наделив их правами приставов. Это были улусы торгуютских нойонов Яндыка, Асархо и дербетовского Цебек-Убаши, к которым для присмотра направили переводчика П. Девятияровского, коллежского комиссара М. Везелева и капитана Шапкина. Им поручили бдительно следить за владельцами и еженедельно докладывать в Калмыцкую экспедицию о каждом их шаге и вообще о политической ситуации в улусах.

В первые месяцы после откочевки наместника российским властям пришлось вплотную заняться проблемой устройства калмыков, оставших в силу разных обстоятельств от своих владельцев. После проверки таких калмыков оказалось 5227 кибиток, и необходимо было определить относительно их будущей судьбы. 17 февраля 1771 года Бекетов предложил Государственной коллегии иностранных дел этих калмыков разделить между оставшимися в России владельцами улусов, а татар и туркмен, бывших ранее под управлением наместника, отделить от калмыков и приписать к аульным татарам или же поселить на иных особых правах [3]. Коллегия в принципе согласилась с планом астраханского губернатора, но в то же время порекомендовала ему не торопиться с раздачей бывших подданных Убаши новым владельцам, а ограничиться до окончательного решения императрицей судьбы калмыков передачей их только во временное управление нойонам, при этом учитывая субэтническую принадлежность передаваемых [4].

Вскоре оставшиеся без владельцев калмыки были распределены между нойонами Замьяном, Яндыком, Теке и А.Ф. Дондуковым, а возвращённый из побега Эркетеневский улус передан под управление икицохуровского Асархо. Нойонов строго предупредили о том, что все эти люди передаются

им не во владение, а только для присмотра до будущего правительственного распоряжения. Тогда же к астраханскому губернатору Коллегией был определён в качестве временного помощника по калмыцким делам крещёный нойон А.Ф. Дондуков. Он находился на службе у российского правительства, и оно ему вполне доверяло. В своём письме 13 мая 1771 года к Бекетову Панин характеризовал Дондукова следующими словами: «по природе своей – владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему – наш человек» [5]. Дондукову поручили осуществлять «бесприметное надзирание» за всеми владельцами улусов, за исключением дербетовских, которых оставили на прежнем положении.

Несмотря на временный характер назначения Дондукова, весть эта вызвала большое недовольство у нойонов и зайсангов. Особенно обиделся на российские власти нойон Яндык, считавший себя по праву близкого родства к наместнику главным претендентом на этот пост. Чтобы успокоить его, Бекетов направил к нему своего посланца, который разъяснил нойону, «что сие учреждение полковника, князя Дондукова над калмыцким народом главным начальником не на всегдашнее время, а единственно впредь до воследования Высочайшего Её Императорского Величества конфирмации», и что князь не имеет права самостоятельно предпринимать никаких действий по управлению калмыками без указания и ведома губернатора [6]. После этого внушения Яндык несколько успокоился, однако, как пишет историк М.М. Батмаев: «Эпизод этот не прошёл мимо внимания правительства и повлиял на окончательное решение о форме управления оставшимися калмыками» [7].

Одновременно с восстановлением отношений с калмыцкой элитой и порядка управления в улусах, Бекетов распорядился принять меры по предотвращению новых попыток калмыков уйти в Джунгарию. С этой целью он вызвал с Дона пятисотенную казачью команду и сформировал из неё и верных калмыков караулы, которые расставил по восточной окраине губернии и на волжских переправах. Караулы нужны были ещё и для удержания от набегов крымских татар и других, враждебно настроенных к России кочевников, для которых опустевшие степи открывали хорошие возможности для беспрепятственного грабежа осёдлого населения и союзных России кочевников.

Учитывая особую роль калмыцкой знати в откочёвке, Бекетов постарался на время изолировать некоторых из подозреваемых в намерениях уйти вслед за наместником оставшихся калмыцких нойонов, поэтому в мае 1771 года Цебек-Убаши, Асархо, Маши, Замьян, а также зайсанги Эркетеневского улуса и наиболее видные зайсанги Дербетовского улуса были отправлены из родных степей на подкрепление корпуса генерал-майора Медема на Кавказе [8].

К тактике временного удаления нойонов от их подданных астраханский губернатор вынужден был прибегать и тогда, когда ситуация требовала перевода калмыцких улусов с левобережья Волги на её правую (нагорную) сторону. Перевод этот делался для того, чтобы максимально затруднить калмыкам возможность переправы через Волгу и не допустить повторной их откочёвки в Джунгарию. В осенний и летние сезоны использование реки Волги в качестве естественного препятствия было едва ли не самым действенным средством, способным воспрепятствовать уходу оставшихся калмыков. Локализовав калмыков на правобережье и взяв под контроль плавучие средства и переправы, власти могли сравнительно небольшими силами достаточно эффективно контролировать все передвижения калмыков вдоль Волги и своевременно пресекать все попытки их бегства. Главная трудность заключалась в том, чтобы убедить калмыцких улусовладельцев прервать сезонный цикл кочевания и переправиться на правый берег реки.

В течение первой половины 1771 года Бекетов пытался уговорить нойонов улусов, кочевавших на левом берегу Волги, переправиться на её правую сторону. На левобережье в то время располагались кочевьями улусы Асархо, Маши, Замьян, Яндыка, Цебек-Убаши и Эркетеневский улус. Чтобы заставить улусы перейти на правый берег, Бекетов пошёл на хитрость: он под предлогом совещания выманил в г. Астрахань наиболее видных представителей калмыцкой знати и продержал их там до тех пор, пока половина их людей не переправилась на нагорную (правую) сторону Волги. Кроме того, он распорядился не допускать к переправе шедших на соединение со своими улусами калмыков, которые возвращались из военного похода [9]. В конечном итоге губернатор добился своего: осенью 1771 года все калмыцкие улусы перешли на правый берег, где благополучно перезимовали.

В ту же осень Екатерина II окончательно определилась относительно порядка управления калмыцким народом. 19 октября 1771 года ею на имя Н.А. Бекетова был подписан рескрипт, который обозначил общие контуры политики российского руководства по отношению к калмыкам. Главным в рескрипте было упразднение должностей хана и наместника и перевод калмыцкой знати в непосредственное подчинение астраханскому губернатору. В то же время за нойонами сохранялись все их права по управлению улусами; в случае смерти владельца улус переходил к сыну, а при отсутствии прямого наследника – в государственную казну. Правителем в казённый улус назначался или избирался пожизненно представитель боковой линии покойного владельца или кто-нибудь из зайсангов.

В отечественной историографии факт упразднения ханской и наместнической должностей

напрямую увязывается с вопросом ликвидации калмыцкой государственности, для чего, на наш взгляд, нет веских оснований. Во-первых, рескрипт в традиционном его понимании представляет ничто иное, как грамоту-послание верховного правителя к своим подданным с перечислением мер, которые местные власти обязаны исполнить, а не выдержанный по всем юридическим нормам правовой документ; во-вторых, в нём ни словом не упоминается об упразднении калмыцкой государственности.

В сложившейся ситуации проблема могла разрешаться только или в плане подтверждения прежней формы и порядка управления или изменения его. Правительство, как известно, предпочло второй вариант. Выбор в его пользу был сделан не сразу, а лишь после того, как окончательно рассеялись надежды на возвращение Убаши и была тщательно изучена и проанализирована политическая обстановка в калмыцких улусах.

В течение 1771 года российское руководство присматривалось к калмыцкой знати, особенно к тем её представителям, которые в силу своего политического веса могли претендовать на роль преемника Убаши. Одновременно внимательно изучались настроения калмыцкой элиты на случай её возможной реакции на ликвидацию поста наместника. В результате выяснилось, что среди оставшейся в России немногочисленной высшей знати нет общепризнанного лидера. Из числа тех, кто мог реально претендовать на занятие должности наместника, выделялись две фигуры – нойоны Яндык и А.Ф. Дондуков. Оба они состояли в наиболее близком в сравнении с другими родстве с семьёй наместника, при этом шансы Яндыка, как родного дяди Убаши, были предпочтительней. При определённом стечении обстоятельств на пост наместника могли рассчитывать также нойоны Цебек-Убаши, Замьян и Асархо. Среди этих пяти человек трое – Цебек-Убаши, Яндык, Асархо – подозревались в намерении откочевать в Джунгарию, поэтому их кандидатуры были для российской стороны неприемлемы. Оставались, таким образом, А.Ф. Дондуков и Замьян. В отличие от других, власти им доверяли, однако эти лица не воспринимались большинством калмыков в качестве общепризнанных лидеров. В их глазах они выглядели ставленниками российских властей, вдобавок ко всему Дондуков был крещёным, а Замьян имел репутацию близкого к астраханской администрации человека, информировавшего её о происходящем в улусах.

Убедившись в отсутствии среди калмыков авторитетного лидера, который бы одновременно устраивал обе стороны, в российском руководстве пришли к мнению о нецелесообразности сохранения центральной калмыцкой власти, являвшейся к тому же источником постоянных раздоров среди

калмыцкой знати. Более удобным для осуществления надзора за калмыками было признано учреждение управления ими не через единый калмыцкий центр, а через владельцев улусов.

Рескрипт от 19 октября 1771 года подтвердил полномочия астраханского губернатора и «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел», и, кроме того, учредил должности трёх судей-зайсангов, каждый из которых представлял одну из калмыцких субэтнических групп – торгутскую, дербетскую, хошутскую. Полномочия судей были достаточно скромными – высказывать своё мнение по поступающим к ним судебным делам. Принимаемые ими решения вступали в силу только после утверждения их астраханским губернатором, поэтому можно говорить об их консультативном и совещательном характере [10]. В судопроизводстве рескрипт рекомендовал руководствоваться калмыцкими обычаями, если судебное разбирательство происходило между калмыками, а во всех других случаях поступать по российским законам.

В 1772 году политическая обстановка в ряде улусов, несмотря на предпринятые Бекетовым превентивные меры, продолжала оставаться напряжённой. В начале года астраханский губернатор получил известие от генерала де Колонга о переговорах китайского правительства с султаном казахской Средней орды Аблаем о пропуске волжских калмыков через его земли в Джунгарию, а 24 июля аналогичное уведомление от оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа. Последний в подтверждение своих данных сообщал о переходе казаками реки Яик и попытке их продвижения в направлении калмыцких кочевий, которая была пресечена только благодаря своевременно принятым мерам [11]. Попытки проникновения в калмыцкие кочевья казахов совпали по времени с совещанием дербетовской знати, где было принято решение об откочёвке в Джунгарию [12].

Явные признаки надвигающейся новой откочёвки заставили Бекетова активизировать свои действия. Ещё весной 1772 года он приказал в целях предупреждения побега сформировать из 200 калмыков и 100 моздокских казаков заставу, подкреплённую вскоре тысячной командой калмыков Икицохуровского и Эркетеневского улусов [13]. Сторожевой отряд находился на левобережье Волги до наступления холодов.

Одновременно с полицейскими мерами Бекетов применил уже испытанный ранее метод разъединения калмыцкой знати со своими подвластными. 24 марта 1774 года он вызвал в г. Царицын дербетовского правителя Цебек-Убаши, наиболее видных представителей буддийского духовенства, знатных зайсангов и продержал их под своего рода почётным караулом в течение нескольких месяцев, не дав им таким образом возможности соединиться

со своими улусами, кочевавшими на левобережье.

К концу года тревога астраханского губернатора ещё более усилилась. С наступлением холодов Волга должна была замёрзнуть, и тогда калмыки могли без особого труда по льду перейти на другой берег и начать откочёвку в Джунгарию. Остановить их в таком случае было бы практически невозможно, так как воинские команды к тому времени оказались бы рассредоточенными по зимним квартирам. Быстро оценив ситуацию, Бекетов решил, что наступил момент, когда необходимо привести в действие задуманный им ранее план. 27 августа 1772 года в письме к президенту Государственной коллегии иностранных дел Н.И.Панину он предложил наиболее влиятельных и внушавших подозрение владельцев – Цебек-Убаши, Яндыка и Асархо – «под каким-нибудь приличным, однако, милостивым видом отозвать в Петербург и продержать их там, доколе мысль сия (о побеге – С.Б.) в них исчезнет» [14].

Российское руководство одобрило план Бекетова и поручило ему самому разработать и провести операцию в отношении нойонов, в то же время «не причиняя им подозрения и опасных воображений, и подвластным их тревог» [15]. Столь щепетильную и деликатную задачу астраханский губернатор выполнил с успехом. Он убедил владельцев в том, что их вызывают в столицу исключительно с благожелательными намерениями, для личной аудиенции с императрицей. В конце 1772 года все трое улусовладельцев со своими свитами отбыли в Санкт-Петербург, однако до него добрались лишь Цебек-Убаши и Асархо, Яндык умер в пути в одной из казачьих станиц.

В 1772 году власти впервые после откочёвки применили репрессии. Они коснулись небольшой группы калмыков, в основном зайсангов Эркетеневского улуса, которые участвовали в грабежах и убийствах мирных жителей при уходе наместника. Эркетеневский улус был перехвачен казаками и возвращён казаками из побега под конвоем. Вернувшись на Волгу, эркетеневские зайсанги не успокоились и принялись готовить новый побег. Более того, выяснилось, что эркетеневцы при откочёвке 1771 года разграбили окрестности г. Царицына, при этом совершив убийство нескольких человек и захватив в плен группу жителей. Когда их настигли казаки, эркетеневские зайсанги, опасаясь показаний свидетелей-пленников, приказали их убить [16]. За эти преступления трое эркетеневских зайсангов и 9 простолюдинов были биты кнутом и плетью, после чего навечно сосланы на каторгу в г. Нижний Новгород. Их

семьи и имущество были проданы с публичных торгов, а вырученные деньги пошли на возмещение ущерба пострадавшим мирным жителям. Немного позднее к этим 12 лицам добавился эркетеневский зайсанг Нохоин-Кобень, приговорённый судом к каторге за «госудырыни поношение». Более лёгкое наказание понесли 15 эркетеневских зайсангов, обвинённых в соучастии в побеге и в сокрытии злодеяний осуждённых на каторгу. Их лишили зайсангского звания, и, уравнив с простыми калмыками, раздали другим владельцам. Впоследствии эти зайсанги и их потомки за проявленную доблесть во время пугачёвского восстания на стороне правительственных войск, в войнах на Кавказе и в Отечественной войне 1812 года были восстановлены в правах зайсангов, а один из них – Ончик – даже назначен правителем Эркетеневского улуса [17].

Энергичные и умелые действия Бекетова заметно ослабили напряжение в калмыцких улусах и сняли непосредственную угрозу новой откочёвки. Определённую лепту в этот процесс внесли возвратившиеся из Китая калмыки, чьи рассказы о тяжёлом положении беглецов Бекетов умело использовал в своей контрпропаганде. Постепенно улусы успокоились, и жизнь в них начала входить в привычную колею.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. Р-145. Оп.1. Д. 138. Л. 9.
2. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.
3. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С. 366.
4. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24.
5. НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23.
6. Цит. по: А.Г. Митиров. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 273.
7. Батмаев М.М. Указ. соч. С. 367.
8. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992. С. 106.
9. НА РК. Ф. И-35. Оп.1. Д. 13. Л. 76, 82.
10. Батмаев М.М. Указ. соч. С. 368.
11. Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 107.
12. Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884. С. 58.
13. Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 107.
14. Цит. по: Н.Н. Пальмов. Указ. соч. С. 108.
15. Цит. по: А. Балакаев. Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. 1991. 17 янв.
16. Новолетов М.Г. Указ. соч. С. 54.
17. Митиров А.Г. Эркетеневский улус // Эркетени: земля и люди. Элиста, 1998. С. 58.